

- ⁴¹ ГА ПК, ф. 214, оп. 1, д. 16, л. 101, 101а–101г об., 168–169; Зауральский край. 1916. 2 августа; Пермские губернские ведомости. 1916. 17 августа; Уральская жизнь. 1916. 21 августа.
- ⁴² ГА ПК, ф. 65, оп. 3, д. 82, л. 261.
- ⁴³ См. об этом: ГА СО, ф. 45, оп. 1, д. 221, л. 19; ф. 24, оп. 20, д. 2825, л. 125 об.
- ⁴⁴ Архив Управления ФСБ России по Свердловской области, ф. 9, оп. 11, д. 3, л. 180–181.
- ⁴⁵ Цит. по: Пермская земская неделя. 1915. 26 февраля.
- ⁴⁶ Уральская жизнь. 1915. 30 мая.
- ⁴⁷ ГА ПК, ф. 280, оп. 1, д. 2647, л. 36.
- ⁴⁸ ГА СО, ф. 45, оп. 1, д. 245, л. 222.
- ⁴⁹ Там же, д. 1041, л. 1.
- ⁵⁰ Уральская жизнь. 1917. 9 июля.
- ⁵¹ ГА СО, ф. 72, оп. 1, д. 5641, л. 93.
- ⁵² Из неопубликованного письма В. Богатырева в редакцию газеты «Уральский рабочий». Архив автора.
- ⁵³ Воспоминания жителя с. Писанец Артемовского района Свердловской обл. А. Зырянова. Архив автора.
- ⁵⁴ Воспоминания жительницы с. Писанец Артемовского района Свердловской обл. А. Зыряновой. Архив автора.
- ⁵⁵ *Pechman J.* Op. cit.
- ⁵⁶ Воспоминания жителя г. Дегтярска Свердловской обл. Н. Иванова. Аудиоархив автора.

© 2011 г. И. А. ЖДАНОВА *

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ РОССИЙСКИХ ПЛЕННЫХ В 1918–1919 годах

За годы Первой мировой войны в плену оказалось около 8 млн солдат и офицеров и более 200 тыс. мирных жителей. Среди пленных большинство составляли военнослужащие российской армии (2,4 млн человек). По сравнению с Россией количество военнопленных ее союзников было не столь велико: 569 тыс. итальянских, 506 тыс. – французских, 153 тыс. – сербских, 191,65 тыс. – британских, 80 тыс. – румынских, 34,66 тыс. – бельгийских, 12,3 тыс. – португальских, 7 тыс. – черногорских, 4,5 тыс. – американских, 1 тыс. – греческих. Пленных Австро-Венгрии насчитывалось 2,2 млн человек, Германии – 1 млн 153 тыс., Турции – 479 тыс., Болгарии – 78 тыс. человек. Российские пленные в основном содержались в Германии и Австро-Венгрии. Из 2,4 млн человек 190 тыс. умерли в плену. До 1918 г. в Россию прибыли 715 тыс. попавших в плен инвалидов; еще 60 тыс. человек бежали из плена. В 1918–1921 гг. вернулись 1 млн 142 тыс., 95 тыс. бывших российских пленных остались в Европе. После установления новых границ в Польшу и прибалтийские государства возвратились 215 тыс. человек¹.

О.С. Нагорная справедливо указала на разницу между тем, как принимались на родине бывшие пленные после Второй и Первой мировых войн. Если в 1940-х гг. многие из них снова попадали в лагеря, то в 1918–1922 гг. сталкивались лишь с недостатком заботы и плохой организацией приема². В исследованиях, посвященных российским пленным Первой мировой войны, в основном описывается период пребывания в плену³. Возвращение на родину в 1918–1922 гг. освещено в историографии слабее⁴. Особого внимания заслуживает при этом ситуация, сложившаяся в 1918 – начале 1919 г. в

* **Жданова Ирина Анатольевна**, кандидат исторических наук, главный археограф Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга.

Петрограде, который был одним из главных транзитных пунктов на пути пленных на родину.

Для понимания настроения возвращающихся из Германии и Австро-Венгрии необходимо учесть, что правительство как царское, так и советское мало сделало для помощи им в плену. До Февральской революции правительство выделило на нужды попавших в плен всего 150 тыс. руб., а в лагеря военнопленных в 1915–1916 гг. из России поступило лишь 130 800 продовольственных посылок. Это была капля в море, тогда как из других стран Антанты шел широкий поток помощи своим соотечественникам⁵. В конце 1917 – начале 1918 г. российские пленные и вовсе оказались брошенными на произвол судьбы. Помощь им оказывал только Московский комитет помощи военнопленным – общественная организация, работавшая под эгидой Красного Креста.

29 января (11 февраля) 1918 г. декретом СНК РСФСР все организации, ведавшие делами о военнопленных, были переданы под руководство Отдела по демобилизации армии, вскоре переименованного в Экономическое демобилизационное управление, действовавшее при Военно-хозяйственном совете Военного комиссариата⁶. Однако это решение никак не сказалось на положении дел. Советские власти занимались тогда преимущественно находившимися в России пленными иностранцами, а также беженцами. Они двигались по стране почти стихийно, и помимо пропаганды среди них интернационализма, большевикам в первой половине 1918 г. пришлось заниматься их регистрацией и выселением за пределы Петрограда, поскольку в городе ощущался недостаток продовольствия⁷.

После переезда правительства в Москву в Петроградской трудовой коммуне в начале апреля 1918 г. был организован отдельный Комиссариат по делам пленных и беженцев. 16 апреля в его подчинение перевели отдел Петроградского бюро Военно-хозяйственного совета, рассматривавший дела пленных и беженцев. Вскоре, с образованием Союза коммун Северной области, комиссариат стал именоваться Комиссариатом по делам пленных и беженцев Северной области (Компленбежсов). Петроградским властям пришлось самостоятельно решать, как вести дело, так как начавшийся после Брестского мира обмен пленными между Центральными державами и РСФСР застал российскую сторону врасплох: уже в начале апреля в Петроград стали прибывать русские, австрийские и германские пленные, которых необходимо было как минимум обеспечить продовольствием⁸.

По примеру Петрограда 23 апреля декретом Совнаркома учреждалась Центральная коллегия по делам пленных и беженцев (Центропленбеж) при Военном комиссариате, которой подчинили соответствующие учреждения Военно-хозяйственного совета⁹. Центропленбеж и его местные органы использовали для налаживания своей работы по приему и отправке пленных постройки и запасы не только военного ведомства, но и Всероссийских союзов земств и городов¹⁰. Декретом СНК 21 июня все ведомства, деятельность которых была связана с попечением о пленных, обязывались оказывать содействие Центропленбежу (в частности, его задания следовало исполнять учреждениям Российского общества Красного Креста)¹¹.

Положение российских пленных в Центральных державах оставалось крайне тяжелым и после Брестского мира. Летом и осенью 1918 г. помощь им пытались наладить смешанные русско-германская и русско-австрийская комиссии. В Берлине в мае было образовано Бюро военнопленных при генконсульстве РСФСР (до этого заботой о российских пленных занималось Испанское посольство)¹². В результате, в основном силами Московского комитета помощи военнопленным, к осени удалось организовать, хотя и в очень ограниченном объеме, юридическую и продовольственную помощь¹³.

Обмен пленными между Россией и Центральными державами поначалу происходил неспешно. После Брестского мира до конца октября 1918 г. в Россию вернулись не более 200 тыс. человек (из них учтены Центропленбежем 181 375 человек). Пленных германцев, австрийцев, турок и болгар было вывезено 162 363, а вместе с бежавшими уехали на родину около 300 тыс. человек. В Петроград до 25 октября 1918 г. прибыли 44 297 российских пленных¹⁴. Летом-осенью 1918 г. с поездами, которыми отправля-

ли немецких и австрийских военнопленных из России и везли российских пленных на родину, ехали агитаторы, составлявшие затем доклады о настроениях пленных и недостатках в организации их отправления. Сами пленные также писали отчеты о пребывании в плену и условиях содержания. Эти тексты публиковались в газетах. Бывшие российские пленные прибывали истощенные, оборванные, только прибывшие из нейтральных стран, где они лечились после немецкого плена, были в хорошем состоянии. Чувство обиды и горечи за свои мучения подогревалось в плену германской пропагандой, утверждавшей, что к судьбе пленных безразличны как царские, так и советские власти¹⁵.

Российских пленных возмущало неравноправное положение, в которое они попали из-за отсутствия заботы со стороны российских властей: в плену они содержались в значительно худших условиях, чем пленные французы, англичане, итальянцы в Германии и Австрии или немцы и австрийцы в России. В записке бывших военнопленных П.А. Садыкера и А.С. Файнштейна, составленной в Петрограде 10 мая 1918 г., когда смешанные комиссии еще не наладили свою работу, отмечалось, что неравноправность пленных российских, с одной стороны, и австрийских и германских, с другой, даже усилилась после заключения Брестского мира: в то время как в российских лагерях работали австрийские и германские комиссии, которые принимали меры к улучшению участи своих граждан, русские военнопленные «не видят ниоткуда помощи». Франция, Англия, Италия, Сербия организовали постоянную поставку продуктов для своих пленных и «лишь одна Россия проявляла всегда, и при царизме, и после революции безразличное отношение к судьбе своих солдат»: «Улучшившаяся было помощь в июне-августе 1917 года, вскоре совершенно прекратилась, и с сентября военнопленные чувствуют себя оторванными от России и совершенно ею покинутыми. Мало того, с этого времени почти прекратилось получение военнопленными посылок также и от своих родных, так как эти посылки, оказывается, застряли в Петрограде»¹⁶.

Посылки пленным с осени 1917 г. действительно перестали отправляться из-за железнодорожной разрухи и реквизиций. Даже вышедшие за пределы России посылки для военнопленных возвращались обратно. Так, из Финляндии в конце марта 1918 г. из-за сложностей с подвижным составом было решено отправить назад, в Петроград, 50 вагонов¹⁷. Начавшаяся в Финляндии в ноябре 1917 г. гражданская война перекрыла этот путь для посылок и писем военнопленным. В начале 1918 г. Московскому комитету помощи военнопленным удалось наладить заказ посылок в Дании и Голландии¹⁸.

Первый поезд с посылками (45 383) от родственников и общественных организаций, отправленный при большевистском режиме пленным в Германию, шел до лагерей 3 месяца. Его путь начался с осложнениями: 26–27 мая 1918 г. на станции Торошино крестьяне попытались захватить поезд¹⁹. Эхо этого события докатилось до Петрограда в виде слухов об отправке большевиками продовольствия для Германии, что вызвало возмущение рабочих Путиловского завода²⁰. «Петроградская правда» опровергала эти слухи²¹. «Красная газета» разъясняла, что торошинский поезд – это лишь возобновление прежних отправок продуктов и одежды для военнопленных в Германии²². Отправленные в мае посылки в августе были еще только на пути в германские лагеря²³.

Поездам с посылками для пленных в Германии и Австро-Венгрии на территории России часто грозили разграбление и конфискации со стороны местных властей²⁴. Сопровождавший один из поездов И. Баевский вспоминал о людях, которые задерживали и осматривали поезд: «Безразличное отношение на деле к пленным, до которых так далеко; на словах сочувствие и тяжелый вздох... на деле ужасная жестокость: пленные все равно погибли, и их не поддержишь поездом»²⁵. Центральные власти пытались вести пропаганду против подобных настроений. V съезд Советов постановил ассигновать на помощь пленным 25 млн руб. В приветствии русским военнопленным его делегаты 4 июля говорили, что съезд «считает совершенно неотложной задачей организацию всесторонней помощи нашим пленным» и «клеят позором те группы, которые пытались задержать посылку сухарей нашим военнопленным, стремясь вызвать на этой почве голодные погромы»²⁶. Всего с июня по середину октября 1918 г. пленным в

Германию было отправлено 107 вагонов, а в Австро-Венгрию – 51 вагон с продовольствием, медикаментами и вещами²⁷. Конечно, для 2 млн российских пленных этого было совершенно недостаточно.

Возвращаясь домой, российские пленные наблюдали встречную волну австрийцев и немцев, которые удовлетворительно выглядели и были свободны. Российских пленных поражал этот контраст с их собственным недавним положением. Один из агитаторов, сопровождавших российских пленных, отмечал в своем докладе, что пленные «очень возмущены, когда встречают германского или австрийского военнопленного, возвращающегося на родину из России – прилично одетого, многие имеют крупные деньги»²⁸. В другом докладе сообщалось, что когда поезд с прибывшими из плена российскими инвалидами остановился в Твери, они увидели, как из барakov, в которых жили военнопленные-австрийцы, «высыпали навстречу нашим солдатам тысячи полторы австрийцев, совершенно свободных и безо всякого со стороны местных властей надзора». Агитатор пишет, что российские военнопленные, «увидев свободными австро-германцев, страшно возмутились таким положением вещей», и агитатору вместе с заведующим поездом «пришлось долго убеждать эту массу»: «Мы говорили, что мы – русские, и не можем быть такими вандалами, как германские юнкера, что мы несем всему миру свободу, что мы этим именно и сильны, потому что, если массы разнесут по всему миру лозунги: свобода, равенство и братство, то мы будем фактически сильнее, чем империализм Германии»²⁹. Другая партия вернувшихся из Австрии российских военнопленных в Твери натолкнулась на «патруль красноармейцев, состоящий из пленных-австрийцев и целую толпу вооруженных пленных». По словам агитатора, «они очень возмутились этим. После тех мытарств, которые они перенесли в плену, конечно, такое явление вполне возможно»³⁰. Другой агитатор отмечал, что режим содержания военнопленных в Германии тяжелый, «так что слишком обижаются военнопленные, когда видят австро-германцев, свободно разгуливающими по станциям»³¹.

Вдобавок к чувству обиды и непонятным новым порядкам, при которых встречаемые пленные-«интернационалисты» чувствовали себя как дома, вернувшиеся российские пленные обнаружили на родине бедность, голод, разруху. Иногда им не выдавали обмундирование, неважным было и снабжение продуктами³². Агитаторы пытались ослабить эти негативные впечатления, наводили порядок в организации перевозки и материального обеспечения, вступали в конфликты с администрацией и персоналом поездов – комендантами, комиссарами, врачами и санитарями³³. Не всегда достаточной была и моральная поддержка. Как писал 27 июля в докладе Комиссариату печати, агитации и пропаганды агитатор Голдаев, на пленных негативно влияет «то безучастие, с каким относятся к ним как общество, так и власть. Необходима встреча, приветствие. В противном же случае вся работа агитаторов является лишней, так как на деле оказывается, что ими не интересуются и они являются лишними»³⁴. Но уже 1 августа 1918 г. Петроградский Комиссариат печати, агитации и пропаганды, занимавшийся организацией агитации среди военнопленных, в отчете II съезду Советов Союза коммун Северной области рассказывал о встрече пленных: «На приемном пункте на Варшавском вокзале их обычно встречают с оркестром музыки, затем в больших бараках устраивают угощение, бараки украшены цветами, играет музыка. После закуски представитель советской власти и ряд лиц, стоящих на советской платформе, среди них имеется священник, произносят приветственные слова хозяевам России, вернувшимся из долгого плена». Однако реальная картина была не столь радужной, и в отчете признавалось: «К сожалению, недостаток сапог, папирос и саботаж отдельных лиц, стремящихся то не чистить выгребных ям, то задерживать вывоз грязной одежды и белья, плохая работа продовольственного отдела при пункте... мешают лучше обставить измученных товарищей, попавших в Советскую Россию»³⁵.

С сентября 1918 г. по указанию Центропленбежа на местах были организованы культурно-просветительные отделы для распространения среди пленных и беженцев газет и брошюр, для устройства лекций и митингов. Местным коллегиям было предписано обращать особое внимание на встречу прибывших пленных, «которую нужно

обставить возможно торжественнее (с музыкой, речами и пр.)»³⁶. В целом, как отмечали агитаторы, пленные проявляли интерес к большевистским идеям, охотно брали газеты и брошюры. Компленбежсев работал в сотрудничестве с Советом Союза родных и близких военнопленных. Так, в сентябре устраивались совместные дежурства на Царско-сельском вокзале, поскольку иногда пленные в дороге самостоятельно пересеживались со специальных эшелонов на обычные пассажирские поезда, и приезжали не на Варшавский вокзал, где их ждали с музыкой, речами и питанием, а на Царскосельский, где не было распределительного пункта, и затем бродили по городу, не зная, куда податься³⁷.

Возвращавшиеся после Брестского мира пленные были для большевистских властей трудной социальной группой. На заседании Петербургского комитета РКП(б) 25 июня 1918 г. отмечалось, что пленные подвергаются активной антибольшевистской агитации и что необходимо усилить среди них работу³⁸. В петроградской прессе летом и осенью 1918 г. военнопленных призывали не судить слишком строго молодую Советскую республику за разруху, беспорядок, грязь и бедность, за отсутствие сапог. При этом причиной недовольства вернувшихся из плена называлась исключительно буржуазная пропаганда. Военнопленных призывали посещать митинги и проникнуться ценностями пролетарского государства³⁹, а лучшим способом ускорить возвращение из плена оставшихся товарищей провозглашалось пополнение рядов Красной армии⁴⁰. Большевистские газеты изображали некоего «буржуазного молодого человека», который, расспрашивая пленных о жизни в Австро-Венгрии, старается вселить в них «уверенность, что там гораздо лучше, и работа есть, и хлеб имеется, и порядку побольше, и все прочее»⁴¹. От имени бывших пленных публиковались статьи с «правильным» пониманием причин разрухи: «Две недели тому назад я вернулся из плена. Вернулся и понял, что те, кто послал нас на бойню в 1914 году, родину разграбили... Великая страна превратилась в нищую»⁴². Но хотя ответственность за разруху и возлагалась на прежние власти, это никак не могло исправить того негативного впечатления от преобразенной революцией страны, которое возникало у людей, покинувших Россию до революции и видевших европейские города и селения во время войны, пусть и обедневшие, но все же не до такой степени, как российские. Большевистская партия могла только призывать: «Заткните глотку врагам революции, которые будут смущать вашу совесть»⁴³.

Все проблемы, связанные с приемом военнопленных весной–осенью 1918 г., многократно умножились после 8 ноября, когда вслед за австрийской победила революция в Германии, и в Россию, не признавая никаких границ, двинулся 100-тысячный поток бывших пленных. Партиями и в одиночку, на поездах и пешком направлялись они домой, не дожидаясь разрешений и организации приемочных пунктов. Часто голодные, оборванные и больные, они заполнили дороги, ведущие на восток. Добравшиеся до Москвы бывшие пленные несколько дней слонялись поздней осенью и зимой по революционной столице без одежды, пропитания и приюта. Большую помощь им оказал тогда Датский Красный Крест⁴⁴. Центропленбеж же был застигнут врасплох. 15 ноября «Известия» вышли с грозным вопросом на первой полосе: «Где “Центропленбеж”?». В статье говорилось, что уже 2 дня столица наводнена бывшими пленными, не получающими никакой помощи, и делался вывод: «Хорошее же мнение создается у них о Советской России. Самый ярый контрреволюционер не придумал бы лучшего способа агитации против социалистического строя»⁴⁵. 20 ноября представитель ведомства оправдывался в «Известиях», уверяя, что Центропленбеж вел в предшествующий период большую работу, но в середине ноября оказался не в состоянии сразу перестроить ее так, чтобы уследить за хлынувшим потоком, когда через границу каждый день переходили по 30 тыс. человек⁴⁶. Позже ведомство ссылалось также на то, что оно не может остановить ту часть пленных, которая идет самотеком, минуя учет и заботы властей⁴⁷.

15 ноября был подписан приказ Центропленбежа об организации встречи пленных, а на следующий день появилось постановление СНК РСФСР о денежном довольствии военнопленных и их семейств⁴⁸. Петроград, в отличие от Москвы, успел подготовиться – туда пленные дошли немного позже, чем до Москвы, к 18 ноября, и Комплен-

бежсев учел негативный московский опыт. Петроградские власти раньше столичных подтвердили особые полномочия Компленбежсева – соответствующий декрет Союза коммун Северной области был опубликован уже 22 ноября⁴⁹. А 23 ноября и СНК РСФСР распространил телеграмму о подтверждении широких полномочий Центропленбежа⁵⁰. Огромная волна вернувшихся пленных даже заставила советское правительство смягчить режим границ Гражданской войны. 7 декабря 1918 г. последовало постановление Совнаркома: «Поручить Военному комиссариату издать тайный приказ о том, чтобы все ведомства, военные и гражданские, не чинили препятствий проходу сибиряков (из военнопленных) на родину»⁵¹.

Почти ежедневно Компленбежсев готовил для председателя Совета комиссаров Союза коммун Северной области Г.Е. Зиновьева сводки о числе прибывших в Петроград пленных и убиавших из него. В период массового возвращения пленных на родину с 18 ноября 1918 г. по 22 марта 1919 г., т.е. за 4 месяца, в Петроград прибыло 70 250 бывших пленных, из которых на родину были отправлены 69 218, а остальные (1 032) 22 марта оставались на отдыхе или лечении в городе и пригородах⁵². В течение этого времени интенсивность притока пленных менялась. Своего пика она достигла в ноябре–декабре 1918 г.: иногда в Петрограде их размещалось почти 6 тыс. Так, 2 декабря 1918 г. прибыл 1 641 бывший пленный, 1 607 – убиавы, 5 878 остались в Петрограде (из них 2 038 были размещены на распределительном пункте при Варшавском вокзале, 161 – в казармах и городских больницах, 54 – в гостиницах и монастырях, 1 135 – в Зимнем дворце, 595 – на судне «Океан», 1 895 – в 14 госпиталях; остальные находились на распределительном пункте Финляндского вокзала, на судне «Трансбалт» и в других местах⁵³. В феврале 1919 г. пленные появлялись сравнительно небольшими партиями, около 100 человек в день, а в марте их стало еще меньше⁵⁴.

Советские власти поначалу опасались того настроения, с которым ехали домой бывшие пленные. Н.И. Бухарин, выступая 21 ноября 1918 г. на Всероссийском съезде работниц в Москве, призвал срочно организовать широкую помощь возвращающимся пленным. Он рассказывал, как встречал пленных на пути из Германии: «Все станции забиты военнопленными, все они буквально раздеты, без сапог, без одежды, без шапок... Мне было стыдно глядеть на них, и я не решался выходить из вагона во время остановок. Эти военнопленные страшно озлоблены, я сам слышал их угрозы все разнести у нас»⁵⁵. «Петроградская правда» 26 ноября предупреждала об опасности положения, когда каждый день в город прибывают тысячи людей «раздраженных и часто озлобленных против всех и всего», и призывала встретить пленных с «братским участием и пониманием»⁵⁶. По большей части советская пресса представляла дело так, будто пленные были одурманены «белой» пропагандой сначала в плену, а затем по пути следования через территории, контролируемые антибольшевистскими режимами. Сообщалось, что при проезде через Псков, Могилев, Двинск бывшим пленным предлагали поступить в Белую армию⁵⁷. Прибывшие пленные рассказывали, что уже по пути на родину среди них происходили стычки между сторонниками красных и белых⁵⁸. Большевики призывали помочь пленным и «рассеять тот туман лжи и клеветы, которым старались затемнить их сознание наши враги за границей и в дороге»⁵⁹. «Петроградская правда» признавала, что «много покажется новым и странным нашим братьям», поскольку «Россия не та, какой она была до войны, она сделала громадный скачок назад в хозяйственном отношении, и в то же время – колоссальный шаг вперед в области социально-политических форм». Это требовалось разъяснить прибывающим и убедить их в том, что виновником разрухи является низвергнутый капиталистический строй, а власть рабочих и крестьян принесет всем спасение⁶⁰.

Жителей призывали не оставаться равнодушными к участи пленных. Как писала 21 ноября 1918 г. «Петроградская правда», в плену и в дороге их убеждали, что «в Советской России пленных ждут расстрелы, голод и издевательства», и теперь «широкие слои трудового населения», должны доказать «лживость белогвардейской пропаганды», с «братским участием» встретив «наших братьев, прошедших крестный путь кровавых мук по воле свергнутых палачей»⁶¹. Компленбежсев 23 ноября обратился к жителям

города: «Изголодавшиеся, измученные и оборванные, часто без сапог, без верхнего платья, наши пленные появляются на улицах г. Петрограда и в окрестностях его, не зная с чего начать, что делать, куда обратиться за помощью. Долг каждого товарища и честного гражданина придти на помощь». В частности предлагалось всех вернувшихся из плена направлять на Варшавский вокзал, сообщались способы проезда к нему⁶².

Пытаясь сформировать у бывших пленных благоприятное для советской власти настроение, большевики мобилизовали немалые силы – агитаторы встречали поезда на границе, сопровождали их; на приемных пунктах и в госпиталях им также объясняли смысл перемен, произошедших в России за время их отсутствия. Помимо агитаторов Комиссариата советской печати, агитации и пропаганды, с ними работал культурно-просветительный отдел Компленбежсева. Через эти ведомства раздавались брошюры и газеты (преимущественно «Красная газета» и «Деревенская коммуна»), устраивались экскурсии, посещение кинематографа и театров. Больших митингов не проводилось из-за недостатка теплой одежды, необходимости платить за трамвай и слабого интереса к таким мероприятиям людей, желавших как можно скорее уехать домой⁶³.

Основная агитационная деятельность разворачивалась на главном в Петрограде пункте приема и отправки пленных при Варшавском вокзале. Там нередко происходили конфликты между администрацией распределительного пункта, подчинявшейся Компленбежсеvu, и коллегией агитаторов (12 человек), подчинявшейся Комиссариату советской печати, агитации и пропаганды, к которым в декабре 1918 г. петроградскими райкомами РКП(б) было прикомандировано 75 работников (к концу февраля число их сократилось до 25). Помимо устройства митингов и бесед с бывшими пленными, коллегия считала своей важнейшей задачей сопровождение эшелонов от Двинска к Петрограду и от Петрограда в глубь страны, занимаясь не только пропагандой, но и обеспечением их всем необходимым⁶⁴. При этом агитаторы выступали и как осведомители о работе советского аппарата на местах, собирая информацию среди местных крестьян⁶⁵.

На самом распределительном пункте Варшавского вокзала коллегия агитаторов не только вела агитационную деятельность, но и контролировала работу администрации, добиваясь увольнения «саботирующего элемента». Среди прочего, она добилась совместного питания бывших пленных и всех служащих пункта. Агитаторы острее реагировали на нарекания со стороны сопровождаемых, пытались улучшить работу лазаретов, наладить обеспечение обувью, своевременную смену белья и т.д.⁶⁶ Свое недовольство администрацией пункта Варшавского вокзала коллегия даже вынесла в декабре 1918 г. на страницы «Красной газеты», сообщив о «сухо-чиновничьем отношении к делу административных лиц»: «Плохо обстоит дело с отоплением, с баней, сплошь и рядом в кипятниках нет кипятку. Часто ответственных лиц в служебное время вовсе нет на пункте». В статье им грозили Петроградской ЧК, вопрошая: «Не пора ли почистить гнездо этих тунеядцев, отправив их для размышления на Гороховую, 2»⁶⁷. Администрация пункта считала эти обвинения ложью, однако признавала, что с питанием, медицинским обслуживанием и т.д. проблем на пункте было действительно много⁶⁸.

Судя по отчету, составленному в середине февраля 1919 г., Коллегия агитаторов старалась навести порядок и среди самих пленных. Опираясь на силы ЧК, она боролась со «спекуляцией», так как «спекуляция среди военнопленных действует на них разлагающим в моральном отношении образом и мешает пропагандистской работе». Коллегия требовала смены охранявшего пункт отряда, состоявшего из бывших пленных, считая их «шкурниками», безуспешно проводила вербовку в Красную армию. Хотя большинство вернувшихся, устав от войны и мытарств, стремились поскорее попасть домой, в январе 1919 г. в Красную армию из них записывалось иногда по 20–30 человек в день. Причем «наиболее сознательных и преданных советской власти пролетариев военнопленных, желающих служить в Красной армии, коллегия делегирует на различные советские командные курсы» (к середине февраля на них было делегировано 50 человек). Велась работа и в отношении «старых партийных работников»: коллегия «по выяснении прошлого и сознательности этих товарищей, тех из них, преданность которых советской власти не подлежит никакому сомнению, делегирует в различные

советские учреждения»⁶⁹. В результате активной работы агитаторов настроение бывших пленных в Петрограде было благоприятно для большевиков. После пламенных речей большевистских ораторов они голосовали за резолюции в поддержку советской власти, признавая, даже вопреки действительности, что возвратились «из тисков немецкого империализма, вырванные Октябрьской рабоче-крестьянской революцией»⁷⁰. В прессе об итогах агитации сообщались и вовсе фантастические сведения, будто бы среди вернувшихся из плена «большинство признает, что в России сейчас лучше во всех отношениях, чем когда бы то ни было прежде»⁷¹.

Кульминацией агитационных усилий петроградских большевиков в деле привлечения бывших пленных на сторону советской власти и создания благожелательного отношения к ним среди жителей города стало проведение 5 января 1919 г. культурно-просветительным отделом Комплембежсева Дня военнопленных. Были устроены сбор денег и теплых вещей, раздача подарков, проведено несколько больших митингов. В Мариинском театре в опере «Севильский цирюльник» для них пел Ф.И. Шаляпин. Однако мало кто из бывших пленных смог туда добраться, поскольку в этот день не ходили трамваи. Добравшихся, впрочем, все же удалось на трамваях доставить из театра обратно в пункты и лазареты⁷².

Но как только выяснилось, что от бывших пленных не приходится ждать контрреволюционных действий, власти сочли оказанное им внимание чрезмерным. Уже в начале января «Петроградская правда» писала о необходимости бороться с их иждивенческими настроениями, поскольку они теперь «равные среди равных граждан», и после первой помощи далее от них самих зависит, как заработать себе на жизнь»⁷³. Впрочем, еще 24 ноября 1918 г. в разработанной культурно-просветительным отделом Центропленбежа программе для агитатора, организующего митинги среди бывших пленных и беженцев, указывалось, что, учитывая трудности существования советской власти, они не имеют права предъявлять к ней «чрезмерные требования», а иначе становятся «врагами трудового народа»⁷⁴.

Вопреки первоначальным опасениям большевиков и благодаря их агитационным и организационным усилиям, возвратившиеся из плена не стали самостоятельной дестабилизирующей силой, растворившись в остальной массе населения России. Как жертвы войны они не вызывали в голодавшем и бедствовавшем народе большого желания оказать им помощь. Тем не менее опасаясь озлобленности и контрреволюционности бывших пленных, большевистская власть пыталась превратить их в своих сторонников.

Примечания

¹ Степанов А.И. Цена войны // Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 629–630.

² Нагорная О.С. Другой военный опыт: Российские военнопленные Первой мировой войны в Германии. М., 2010. С. 9.

³ Жданов Н.М. Русские военнопленные в Первой мировой войне. 1914–1918 гг. Ч. 1–3. М., 1920; Сергеев Е.Ю. Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 65–78; Ленцен И. Использование труда русских военнопленных в Германии (1914–1918 гг.) // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 129–137; Галицкий В.П. Защита прав военнопленных в период Первой мировой войны: опыт и уроки // Последняя война Российской империи. М., 2006. С. 254–257; Симонова Т.М. Российские военнопленные и интернированные в лагерях Германии и Австрии в 1914–1922 гг. // Последняя война Российской империи. М., 2006. С. 331–336; Карелин В.А. Проблема интернирования русских военнопленных Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2010. № 1. С. 93–105; Нагорная О.С. Указ. соч.

⁴ Изучен преимущественно опыт Смоленска и Казани: Щеров И.П. Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918–1922 гг. Смоленск, 2000; он же. Смоленский пленбеж: создание и деятельность. Смоленск, 2000; он же. Западный пленбеж // Вопросы истории. 1998. № 9. С. 130–133; Нечаева Э.П., Лившиц С.В. Деятельность органов Центральной коллегии по делам пленных и беженцев по возвращению военнопленных русской армии в 1918–1920 гг. Куйбышев, 1982; Мальков А.А. Деятельность большевиков среди военнопленных русской армии 1915–1919 гг. Казань, 1971.

- ⁵ *Сергеев Е.Ю.* Указ соч. С. 74–75.
- ⁶ Декреты советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 444–445.
- ⁷ ЦГА СПб, ф. 143, оп. 2, д. 6, л. 116; Декреты советской власти. Т. 1. С. 406, 566–569; Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. Т. 3. М., 1967. С. 154, 158–159; Сборник декретов и постановлений по Союзу коммун Северной области. Вып. 1. Ч. 1. Пг., 1919. С. 686–689, 691; Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах. 1918. 7 ноября. № 18. С. 8–9, 17; 23 декабря. № 20. С. 2–8.
- ⁸ РГВА, ф. 79, оп. 1, д. 14, л. 241, 292–303, 320; ЦГА СПб, ф. 143, оп. 1, д. 96, л. 3.
- ⁹ Декрет был опубликован 27 апреля (Декреты советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 166–167).
- ¹⁰ Сборник декретов и постановлений по Союзу коммун Северной области. Вып. 1. Ч. 1. Пг., 1919. С. 689–690.
- ¹¹ Декреты советской власти. Т. 2. С. 462–463.
- ¹² Подробно о деятельности Бюро пленных и комиссий см.: *Мальков А.А.* Указ. соч. С. 145–168.
- ¹³ См. указанную выше книгу управляющего Московского комитета помощи военнопленным Н.М. Жданова, докладную записку о деятельности по делам военнопленных С.М. Семкова, с апреля по октябрь 1918 г. занимавшего пост атташе при полномочном представительстве РСФСР в Берлине (ЦГА СПб, ф. 143, оп. 4, д. 19), а также: Отчет о деятельности Бюро военнопленных при генконсульстве РСФСР в Берлине // Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах. 1918. 7 июля. № 4. С. 7–8; Краткий отчет о деятельности Центральной коллегии о пленных и беженцах // Там же. 1918. 7 ноября. № 18. С. 6–7; Деятельность Московского комитета помощи военнопленным // Там же. С. 17–19.
- ¹⁴ Краткий отчет о деятельности Центральной коллегии о пленных и беженцах // Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах. 1918. 7 ноября. № 18. С. 10.
- ¹⁵ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб), ф. 1, оп. 1, д. 225, 234, 237; *Мальков А.А.* Указ. соч. С. 134; *Сергеев Е.Ю.* Указ. соч. С. 71–75.
- ¹⁶ ЦГАИПД СПб, ф. 1, оп. 1, д. 234, л. 9–10 об.; Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах. 1918. 4 июля. № 8. С. 4–5.
- ¹⁷ ЦГА СПб, ф. 143, оп. 1, д. 96, л. 5–5 об.
- ¹⁸ Деятельность Московского комитета помощи военнопленным // Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах. 1918. 7 ноября. № 18. С. 17.
- ¹⁹ ЦГАИПД СПб, ф. 1, оп. 1, д. 225, л. 67 об.–68, 76–78; ЦГА СПб, ф. 143, оп. 2, д. 6, л. 4, 6–6 об.
- ²⁰ Собрание уполномоченных и питерские рабочие в 1918 г. Документы и материалы. СПб., 2006. С. 515, 521–522.
- ²¹ Правда о торшинском поезде и черносотенная агитация меньшевиков и правых эс-эров // Петроградская правда. 1918. 1 июня (19 мая). № 112 (утренний выпуск). С. 1.
- ²² От комиссариата по делам о пленных и беженцах Северного фронта // Красная газета. 1918. 4 июня. № 83 (вечерний выпуск). С. 3.
- ²³ Как мы доставили посылки военнопленным (Докладная записка делегации по сопровождению поезда с посылками для военнопленных в Германии) // Там же. 1918. 13 августа. № 144 (вечерний выпуск). С. 2.
- ²⁴ *Мальков А.А.* Указ. соч. С. 142–143.
- ²⁵ *Баевский И.* От Москвы до Берлина (со вторым продовольственным поездом для наших пленных) // Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах. 1918. 3 ноября. № 17. С. 2.
- ²⁶ Декреты советской власти. Т. 2. С. 526.
- ²⁷ Краткий отчет о деятельности Центральной коллегии о пленных и беженцах // Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах. 1918. 7 ноября. № 18. С. 7.
- ²⁸ ЦГАИПД СПб, ф. 1, оп. 1, д. 234, л. 16.
- ²⁹ Там же, л. 33.
- ³⁰ Там же, л. 50.
- ³¹ Там же, д. 237, л. 4а.
- ³² Там же, д. 234, л. 13–13 об., 18–19, 47–47 об., 49; д. 237, л. 1 об., 3.
- ³³ Т же, д. 225, л. 115–116, 120–122, 134.
- ³⁴ Там же, д. 218, л. 9 об.
- ³⁵ Сборник декретов и постановлений по Союзу коммун Северной области. Вып. 1. Ч. 1. Пг., 1919. С. 294.
- ³⁶ ЦГА СПб, ф. 5424, оп. 1, д. 1, л. 22.

- ³⁷ Там же, ф. 5315, оп. 1, д. 7, л. 70.
- ³⁸ ЦГАИПД СПб, ф. 1, оп. 1, д. 64, л. 23.
- ³⁹ *Лазарев К.* К возвратившимся из плена // Петроградская правда. 1918. 24 июля. № 156 (утренний выпуск). С. 3.
- ⁴⁰ *Быви[ий] военноплен[ный] в Германии С.Б.* Ко всем товарищам, вернувшимся из плена // Там же. 1918. 27 октября. № 236 (утренний выпуск). С. 3.
- ⁴¹ *Коок Р.* Берегите военнопленных // Красная газета. 1918. 16 мая. № 67 (вечерний выпуск). С. 2.
- ⁴² *Один из вернувшихся из плена.* Ужасы германского плена // Петроградская правда. 1918. 5 августа. № 167 (вечерний выпуск). С. 2.
- ⁴³ К вернувшимся пленным // Там же. 1918. 26 августа. № 185 (вечерний выпуск). С. 1.
- ⁴⁴ *Енсен Б.* Гуманитарная помощь и политика: миссия Датского Красного Креста в Советской России. 1918–1919 // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 517–519.
- ⁴⁵ *Антонов А.* Где «Центропленбеж»? // Известия ВЦИК Советов. 1918. 15 ноября. № 249. С. 1.
- ⁴⁶ *Ленский И.В.* Где же Центропленбеж? // Там же. 1918. 20 ноября. № 253. С. 1.
- ⁴⁷ Что случилось? // Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах. 1918. 2 декабря. № 19. С. 1–2.
- ⁴⁸ Декреты советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 20–23.
- ⁴⁹ К урегулированию вопроса о военнопленных // Северная коммуна. 1918 г. 22 ноября. № 160. С. 1; Петроградская правда. 1918. 22 ноября. № 255. С. 4.
- ⁵⁰ Декреты советской власти. Т. 4. С. 57–59.
- ⁵¹ Там же. С. 576.
- ⁵² ЦГА СПб, ф. 143, оп. 2, д. 6, л. 115.
- ⁵³ Там же, л. 74.
- ⁵⁴ Там же, л. 74–115, ф. 1000, оп. 3, д. 219, л. 11–12.
- ⁵⁵ Речь тов. Бухарина на Всероссийском совещании работниц // Северная коммуна. 1918. 23 ноября. № 161. С. 3.
- ⁵⁶ *Практик.* Лучше брошюр // Петроградская правда. 1918. 26 ноября. № 258 (утренний выпуск). С. 1.
- ⁵⁷ Домой, на родину! // Красная газета. 1918. 27 ноября. № 252 (утренний выпуск).
- ⁵⁸ *Военнопленный С.Б.* Белые и пленные // Там же. 1918. 20 декабря. № 272 (утренний выпуск). С. 2.
- ⁵⁹ *Самойлова К.* Товарищи-работницы, на помощь военнопленным! // Петроградская правда. 1918. 26 ноября. № 258 (утренний выпуск). С. 2.
- ⁶⁰ День военнопленных // Там же. 1919. 5 января. № 4 (утренний выпуск). С. 1.
- ⁶¹ *Московский Н.* Задача дня // Там же. 1918. 21 ноября. № 254 (утренний выпуск). С. 1.
- ⁶² К товарищам рабочим, красноармейцам, матросам и всем гражданам города Петрограда // Северная коммуна. 1918. 24 ноября. № 161. С. 3; Петроградская правда. 1918. 24 ноября. № 257 (утренний выпуск). С. 2.
- ⁶³ ЦГА СПб, ф. 1000, оп. 2, д. 236, л. 32–34.
- ⁶⁴ ЦГАИПД СПб, ф. 1, оп. 1, д. 399, л. 7–8.
- ⁶⁵ Там же, д. 384, л. 10–11, 15–15 об.
- ⁶⁶ Там же, д. 399, л. 7–8.
- ⁶⁷ *Наблюдатель.* Чиновничье отношение // Красная газета. 1918. 19 декабря. № 271 (утренний выпуск). С. 3.
- ⁶⁸ ЦГА СПб, ф. 5315, оп. 1, д. 7, л. 157–158; д. 23.
- ⁶⁹ ЦГАИПД СПб, ф. 1, оп. 1, д. 399, л. 8–8 об.
- ⁷⁰ На питательном пункте в Зимнем дворце // Петроградская правда. 1918. 29 декабря (утренний выпуск). С. 3.
- ⁷¹ *Практик.* О настроениях // Там же. 1918. 28 ноября. № 260 (утренний выпуск). С. 2.
- ⁷² ЦГА СПб, ф. 1000, оп. 2, д. 237, л. 1–7; *К.С.* Как прошел в Петрограде день военнопленных // Там же. 1919. 7 января. № 5 (утренний выпуск). С. 2.
- ⁷³ *Московский Н.* Освобожденные из неволи // Там же. 1919. 3 января. № 2 (утренний выпуск). С. 1.
- ⁷⁴ Программа для агитатора // Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах. 1918. 2 декабря. № 19. С. 5.